

НЕПРАВДА И ЛОЖЬ КАК ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Ложь существует на свете. Она в нас и вокруг нас. Нельзя закрывать на это глаза. "Всякий человек есть ложь", – говорится в псалме 115 (ст. 2). Мы могли бы перевести это так: человек есть существо, способное лгать [5].

НЕПРАВДА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СИТУАЦИЯХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ ОБЫЧНО ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЯХ. ВО-ПЕРВЫХ, НЕПРАВДА КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ ЗАБЛУЖДЕНИЯ: ЧЕЛОВЕК ВЕРИТ В РЕАЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕГО-ТО, НО ОШИБАЕТСЯ – В РЕЗУЛЬТАТЕ ОН ГОВОРИТ НЕПРАВДУ, САМ ТОГО НЕ ОСОЗНАВАЯ. ТАК, СПОРТСМЕН В КРУГУ ДРУЗЕЙ МОЖЕТ РАССКАЗЫВАТЬ, ЧТО ЕГО СОПЕРНИК ПЕРЕД СОРЕВНОВАНИЯМИ УПОТРЕБЛЯЕТ ДОПИНГ.

Во-вторых, неправда как следствие ограниченности знания, неполноты истины: описание говорящим внешней стороны поступка другого человека (например, вступления в общество "Мемориал") при незнании мотивов последнего и конкретных обстоятельств, в которых реализуется поведение. В социальном познании правдивыми следует считать только такие сообщения о поведении людей, в которых отражены все три основных компонента любого поступка – действие, его цель и внешние условия. В противном случае данных, необходимых для адекватного понимания поступка, оказывается недостаточно. Обычно это приводит к искажению реальной картины описываемых событий в сознании понимающего субъекта и, следовательно, превращению правды в неправду.

Таким образом, для квалификации неправды как коммуникативной категории взаимопонимания нам, прежде всего, необходимо определить, в какой степени мысли испытуемого о действительности соответствуют самой действительности. Иначе говоря, следует признать модель мира испытуемого верной или ошибочной.

Ложью обычно называют умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Наиболее распространенное в европейской культуре определение указанного феномена восходит к Блаженному Августину: "Ложь – это сказанное с желанием сказать ложь" [2]. Цель лгущего – с помощью вербальных или невербальных средств коммуникации дезинформировать партнера, ввести его в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области. В ситуации общения ложь является выражением намерения одного из собеседников исказить "правду-истину" [1]. Ложь имеет отношение, прежде всего, к истинностным составляющим знания о мире, как самого лгуна, так и понимающего лживое высказывание субъекта. Она направлена на такую коррекцию референтного компонента модели мира понимающего, которая противоречит действительности.

Понятие лжи является предметом исследования во многих гуманитарных науках [2, 4], но пока это мало способствует выявлению ее специфики в разных областях практической и теоретической деятельности. Например, трудно понять, при описании каких познавательных и коммуникативных ситуаций следует использовать пару логических антонимов "истина – ложь", а когда более уместным является употребление оппозиции "правда – ложь".

С логической точки зрения любое суждение, в котором искажены факты, неверно отражена действительность, следует признать ложным независимо от того, хотел говорящий солгать или нет. "Для суждения характерно, что оно всегда является либо истинным, либо ложным объективно, т.е. независимо от того, полагает ли его тот или иной человек истинным или ложным" [3].

С позиций коммуникации ложными оказываются не только те сообщения, в которых извращаются факты. Для квалификации лжи достаточно, чтобы один из партнеров по общению, высказывая какое-либо суждение, думал, что он лжет, т.е. считал, что умышленно искажает факты. Это утверждение может показаться парадоксальным, но человек может лгать, сообщая собеседнику истину. Допустим, что у

субъекта А. есть знакомый, который ему не нравится, и он хочет сделать так, чтобы у того были неприятности. А. сказал знакомому, что поезд, на котором тот должен ехать в командировку, отходит на час позже срока указанного в расписании. Но А. ошибался: поезд действительно отправился на час позже, и его знакомый благополучно уехал. Объективно сказав истину, субъективно А. солгал. Следовательно, для того чтобы лгать, необязательно знать факты – было бы желание исказить их!

Анализ целей субъектов общения дает возможность отделить правду от лжи и в семантически противоположных ситуациях: когда произносимая одним из партнеров неистина является правдой, а не ложью. Имеются в виду различные формы иносказания (аллегорию, иронию, шутку и т.п.), т.е. слова и выражения, обретающие в контексте речи смысл, противоположный их буквальному значению. Например, в драме Шекспира "Юлий Цезарь" Антоний, обращаясь к горожанам, неоднократно называет Брута, Кассия и других убийц Цезаря почтенными людьми. Называя их так, Антоний приводит одно за другим свидетельства неблагодарности и предательства "почтенных людей". В конце концов, горожане правильно понимают смысл речи Антония и обращают свой гнев против убийц Цезаря. Называя последних почтенными людьми, Антоний не лгал: произнося вслух противоположное тому, что подразумевал, он хотел, чтобы слушатели поняли смысл, а не значение сказанного.

В человеческом общении иронию, метафору, шутку и т.п. нельзя считать ложью: это правдивое описание действительности, не имеющее целью фальсифицировать истину. Цель такого описания – раскрыть особенности объекта, а не увести от него в сторону. В частности, нелепо было бы буквально воспринимать известное пушкинское присловье: "Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок". Сказка не является ложью потому, что сказочник никогда не скрывает, что рассказывает не о реальном мире, а о выдуманном. И потому даже дети понимают, что любая сказка – правда, а не ложь. Однако сказка – это правда особого рода: она характеризует истинность знаний рассказчика и слушателя, относящихся не к реальному миру, а к существующей в их сознании модели мира. В рамках такой модели описания русалок, сидящих на ветвях, братца Иванушки, превращающегося в козленочка, и т.п. оказываются вполне правдивыми, т.е. не противоречащими представлению человека о закономерностях функционирования вымышленного мира. Вместе с тем и слушающий, и рассказывающий сказку знают, что придуманный мир не во всем соответствует действительности.

В научной литературе обсуждаются как личностные, так и ситуативные (field-deceptive context [5]) детерминанты порождения лжи в коммуникативных системах. Исследования показывают, что чаще лгут субъекты с малой устойчивостью к стрессу, повышенной тревожностью, невротичностью, а также склонные к совершению антисоциальных поступков [5]. Кроме того, у экстерналов наблюдается более выраженная тенденция лгать в различных ситуациях, чем у интерналов [5]. Академические и клинические исследования не обнаружили связи между оценками по шкалам лжи личностных опросников и уровнем интеллекта и образования испытуемых. Интересно, что способность успешно лгать другим совершенно не связана с умением определять, когда лгут тебе [5].

Наряду с личностными особенностями субъектов общения существенную роль в порождении и понимании лжи играют ситуативные факторы. Важным параметром социальной обстановки является степень нормативной или ситуативной поддержки, которая предоставляется лжецу. Иногда мы просто вынуждены лгать. Однако при этом нам не уйти от проблемы моральной оправданности лжи. Эта проблема возникает и в других областях человеческого бытия. Давно установлено, что есть такие ситуации, в которых ложь почти целиком обусловлена обстоятельствами, и такие, в которых моральная ответственность обычно возлагается на солгавшего. Очевидно, что если военнопленный лжет врагам, то его ложь более оправданна, чем поступки тех, кто лжет священнику, доктору или близким друзьям [5]. Конкретные обстоятельства, разумеется, могут быть и не настолько однозначными, они могут способствовать возникновению серьезных нравственных проблем, связанных с "ложью во спасение". Например: следует ли командиру терпящего бедствие самолета сказать пассажирам правду или солгать им, что "полет проходит нормально"? Вместе с тем в целом ясно, что ситуативные факторы создают благоприятный или неблагоприятный фон для порождения и понимания ложных сообщений.

Так, в одном из экспериментальных исследований, проведенном В.В. Знаковым в 1992 г., 196 испытуемых, различающихся по возрасту, полу и социальному положению, должны были выразить согласие или несогласие с утверждением: "Большинство людей готовы поступить не совсем честно ради собственной выгоды". 151 испытуемый ответил "да", и только 45 человек не согласились с таким мнением [5]. В другом его исследовании 62 участника войны в Афганистане заполняли опросник Басса-Дарки. Вопрос № 59 в нем формулируется так: "Раньше я думал, что большинство людей говорят правду, но теперь я в это не верю". 50 "афганцев" ответили, что действительно потеряли веру в правдивость большинства людей [5].

Эти данные подтверждают результаты опросов, неоднократно проводимых журналистами на улицах Москвы и других российских городов: значительная часть населения страны считает неправду не-

отъемлемой частью нашего бытия. Соответственно люди воспринимают ложь как такой феномен межличностного, межгруппового и межнационального общения, на который нельзя закрывать глаза, но с которым практически невозможно бороться – ее нужно принимать как данность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентная правда // Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990.
- 2 Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- 3 Горский Д.П. Логика. М., 1963.
- 4 Запасник С. Ложь в политике // Философские науки, 1991. № 8.
- 5 **ЗНАКОВ В.В. ПРАВДА И ЛОЖЬ В СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА И СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ. М., 1993.**